

Труженник войны

Что осталось за кадром знаменитой фотографии

1

В августе 2006 года мне довелось побывать в с. Памятное Белозерского района. Беседую с почётным гражданином села, участником Великой Отечественной и ветераном педагогического труда Николаем Афанасьевичем Семёновым. Он рассказывает о том, как впервые увидел фотографию «Труженник войны»:

– Будучи заядлым фотолюбителем, я много лет выписывал журнал «Советское фото». Получил номер, посвящённый тридцатилетию Победы, и тут же принялся рассматривать военные снимки. На одном из них узнал своего земляка – Речкина. В последний год своей жизни он работал у нас в школе завхозом.

Самого Фёдора Ефремовича к тому времени уже пятнадцать лет как не было в живых. Николай Афанасьевич показал снимок его родственникам, написал письмо в редакцию журнала. Из столицы ответили, что автор снимка – фотокорреспондент ТАСС Израиль Озерский – уже умер и выяснить, при каких обстоятельствах сделано фото, невозможно. Из Государственного архива Министерства обороны в село Памятное Н. А. Семёнову сообщили, что Фёдор Ефремович Речкин воевал в 928-м артиллерийском полку, которым командовал подполковник Передельский, а начальником штаба был майор Бразговский. На вооружении воинской части были 45-миллиметровые противотанковые пушки.

2

Биография Фёдора Речкина была отнюдь не гладкой. Да и у кого из сверстников жизнь не была покалечена невзгодами и лишениями?

Родился Фёдор Ефремович 29 апреля 1905 года в с. Памятное Усть-Суерской волости. Вот как он писал в 35 лет о себе в автобиографии: «Родители до революции

имели своё хозяйство — дом-пятистенник, амбар, баню и надворные постройки, две лошади, две коровы и мелкого скота до 5 голов. Сельхозмашин никаких не было, чужого труда не использовалось. До и после революции хозяйство было то же. В 1930 году внесено в колхоз полностью.

Отец и мать русские, ранее они работали у богатых мужиков по найму, и в 1915 году отец (Ефрем Иванович) помер, а мать (Ксения Никитична) умерла в 1934 году. Нас оставалось в семье три брата и сестра, которая в 1927 году вышла замуж за кулака, была с ним выслана в 1930 году и сейчас находится в выселении. Старший брат помер в 1929 году, и другой брат в данное время в колхозе.

Я в 12–13 лет учился в школе, работал с 1917 года в людях по найму борновоолоком, после достижения совершеннолетнего возраста также с год работал в своем хозяйстве, и после, в 1926–27-е годы, – в людях по найму пильщиком лесоматериала. С 1927 по 1929 год служил в Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

С 1930 года работал в колхозе, весной 1931 года провёл сев бригадиром полеводства, после один год – нарядником-табельщиком, два года – завхозом колхоза им. Пичугина и 1934 год работал председателем колхоза. В конце 1934 года осуждён за падёж овец, мне было дано два года лишения свободы».

Здесь прервём автобиографию. Аресту председателя предшествовала так называемая чистка партии. Выявляли замаскировавшихся «врагов народа», разгильдяев, «балласт». Побывав в колхозе им. Пичугина, комиссия сделала следующий вывод: «Председатель правления колхоза кандидат Речкин вместо большевистской реализации выводов и предложений комиссии по чистке занялся пьянкой, сорвал субботник по снегозадержанию. Трудовая дисциплина в колхозе расшаталась, колхозники делают прогулы по несколько дней».

Первые годы существования колхозов были самыми тяжёлыми. Райком ВКП(б) и райисполком требовали выполнения заданий по хлебопоставкам, после этого и людям нечего было есть, и скот нечем кормить. Голод, падёж животных, кражи – было, всё было. Здравомыслящим сельским жителям стало понятно, что колхозы — шаг назад по сравнению с крепким единоличным хозяйством, но действующая власть никакой альтернативы не допустит. При таких обстоятельствах мудрено было не запить даже мужикам с твёрдым характером. Из кандидатов в ВКП(б) Речкина исключили перед судом, и в дальнейшем на протяжении всей жизни он заявления в партию не подавал.

Сохранилось несколько писем Фёдора Речкина из мест заключения. Из лагеря он писал, как это ни странно, только стихами:

*«Осенью прочь меня увезли,
И вот уж май – цветы расцвели».*

Фёдор видел, насколько репрессии всеобъемлющи и трагичны:

*«Пришлось мне услышать песен тюремных,
Крику и реву приговоренных...»*

Продолжим чтение автобиографии. «Отбыл один год и освобождён досрочно, где по возврату в колхоз был опять поставлен председателем. В 1937 году за невыполнение хлебопоставок по суду арестован областным прокурором, предан народному суду, и мне было дано два года лишения свободы. Отбыл при Курганской тюрьме один месяц и после освобождён по кассации...

По возвращении домой меня попросили в колхоз. Заместителем председателя колхоза я работал с марта по октябрь 1937 года. Направили в Макушино в школу председателей колхозов. Прошёл трёхмесячные курсы, меня в

колхозе им. Пичугина поставили председателем, где я и работал. Осенью в 1938 году снят за пьянку и избиение бригадира полеводства. Был осуждён, и опять же дано два года тюрьмы, но я кассировал и для отбывания взят не был, так как областной суд решение отменил. 1939 год с июня я работаю председателем колхоза по настоящее время...».

Тогда же, в феврале 1940 года, заведующий Белозерским райземотделом Чертихин дал Фёдору Речкину такую характеристику: «...работать может, организацию труда в колхозе знает, обмолот закончен, план развития животноводства выполнен на 100 процентов. У т. Речкина есть недостаток, что он иногда занимается пьянкой, и когда колхозники за это критикуют, он отказывается от работы». Через три месяца повторная характеристика заведующего райземотделом более благоприятна: «В прошлом т. Речкин занимался недисциплинированностью, пьянкой, а за последнее время этого не замечается».

Поразительна разница в оценке личных качеств Фёдора Речкина. Власть его – в тюрьму, а народ — в руководители, власть – за решётку, а односельчане – в первые ряды. Как в мудрой русской сказке – три раза! Возможно, рассуждали так: если уж Федя лагерей не убоился, то и нас от кого угодно защитит.

Впечатление такое, что и сам Фёдор, что называется, лез на рожон. Мог бы отсидеться в сторожах, работать в колхозе конюхом или в МТМ трактористом, а он — в председатели. И в автобиографии неспроста подчеркнул: меня областной прокурор посадил под арест, а я себя отстоял. Вот вам!

Между тем назревали грозные события — война Советского Союза с фашистской Германией.

И вот перед нами – фронтовое фото. Лето 1944 года. Карельский фронт наступает на финские войска. Солдат-артиллерист идёт, проверяя дорогу, по которой следом катят пушку-«сорокапятку» его товарищи. Он целиком погружён в собственные думы. О чём они?

Там, в зауральском селе Памятном Белозерского района, его все эти годы ждали два самых любимых существа. Жена Прасковья Матвеевна работала в колхозе телятницей, дочь Валя училась в школе. Тональность фронтовых писем совсем не та, что у лагерных. Не сомневаюсь, что Речкин при его уме и знании жизни осознавал эпическую мощь событий, и она проглядывает в этих строках, но через призму житейских забот.

«Здравствуйте, Паша и Валя. Крепко целую, с уважением ваш Фёдор. Вчера послал вам письмо, а сегодня опять пишу на ответ вашего письма, за которое большое спасибо. Но и рад, что вы пока живы, а об остальном уже не говоря. Я отлично знаю вашу мучительную жизнь, но что же сделаешь. Вы правы в том, если бы я был дома, то так вы бы всё же не жили. Да может быть, как-нибудь переживётся, и если я буду жив, то и будет наш праздник, сумею залечить ваши раны. В этом, дорогие, вас уверяю. Но, а сейчас пока ничего не могу сделать. Вот время два часа ночи, пришли с другом в окоп, и я у маленького костра пишу вам это письмо. Холодно, рискованно, но для меня не трудно. Нет у товарищей с семьями ни у одного такого положения, как у меня с вами. Все пишут, хотя бы в колхозах хлеб есть, сена для скота наставили, все живут порядком. Хуже нашего колхоза нет, прямо беда. Пропадёте. А на производствах дак живут очень хорошо. Ясно, у нас раньше было плохо, а теперь у вас могила это, надо куда-то убраться. Как в Секисовой с урожаем дела, а то учти, Матвеевна, сейчас нет хлеба, а как же жить год? Ну их к херам с их работой, растянете ноги за отдельных дармоедов...»

Фёдор посоветовал жене и дочери перебраться к родственникам в соседнюю деревню, что они через некоторое время и сделали.

19 сентября 1944 года. Финляндия вышла из войны и по договору с Советским Союзом обязалась вытеснить немецкие части со своей территории или интернировать их. Военные действия переместились на Крайний Север. Вот как описывает те края Маршал Советского Союза Мерецков: «При очень частой осенней непогоде снег мешается с дождём, а ночами сплошь и рядом бывают заморозки. Холодный воздух постоянно насыщен влагой. Нередко сквозь туманы Гольфстрима прорывается дуновение Северного Ледовитого океана, и тогда становится совсем невесело. Под ногами тундра, сырая и какая-то неуютная, снизу веет безжизненностью: там, в глубине, начинается лежащая островками вечная мерзлота, а ведь солдатам приходится спать на этой земле, подстилая под себя лишь одну полу шинели. Вокруг светятся бесконечные озёра. Между ними хлюпают болота с кочками, мхами, лишайниками и карликовыми деревцами. Серые торфяники исполосованы частыми трещинами, из которых брызжет ледяная вода. Порой земля вздымается голыми громадами гранитных скал».

Восточнее российского города Петсамо гитлеровцы построили Лапландский оборонительный вал. 7 октября части Красной Армии начали наступательную операцию, 15-го числа взяли Петсамо, а через десять дней – норвежский город Киркенес. Дадим ещё раз слово маршалу Мерецкову: «Нейден был последним пунктом, до которого дошёл Карельский фронт. Дальнейшее преследование противника было нецелесообразным. Рассредоточившиеся группки немцев попадали в плен к борцам норвежского Сопротивления. Впереди лежал

полупустынный, горный, весь изрезанный фьордами район... На созванном 28 октября Военном совете фронта мы констатировали, что операция подошла к концу».

4

Именно в эти дни писал Фёдор Речкин тёплые и взволнованные строки своим родным.

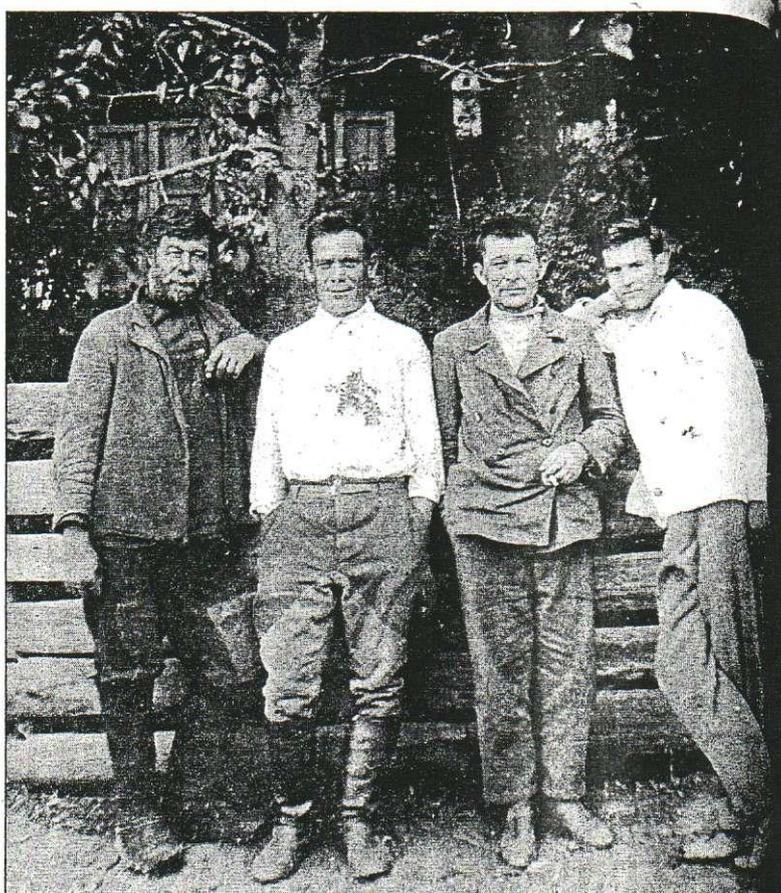
«От 24.09.1944. Здравствуйте, дорогие Паша и дочь Валя. Сообщаю, что получил я ваше письмо от 7.08.44, за что большое спасибо, и где мог узнать, что вы в данное время живы и здоровы, чему я был очень рад, что и впредь этого желаю. Но и узнал о вашей жизни. Да и так я представляю, как живёте. Жаль, но что сделаешь? Пока ничего помочь не могу. Но скоро, скоро, может, это все кончится, и если же я буду жив, то и вы оживёте. Но, дорогие, кажись, мне рассчитывать трудно, ибо бои ещё для нас впереди. Вот мы больше месяца все в походах, гнали врага со своей территории и согнали. Были уже и на финской территории, но по мирному договору с финнами от 19.09.44 года фронт этот сдали финнам, так как они обязаны гнать сами. А мы движемся обратно и далее шли, по 30—40 километров ежедневно движемся. Эх, достаётся, спим на сырой земле у костров. Да и много я за этот бой потерял товарищей, убитых и раненых, но я пока жив и здоров. Хотя имею 39 лет, но двадцатилетним пока нигде не сдаю. Себя чувствую нормально, даже лучше, чем до войны. А сегодня отдыхаем, и вот у меня время нашлось свободное, где я мог вам отписать письмо.

Передайте привет Пуховой Наталье, что их заочно знакомого по письмам Ковалёва Аркадия со мной нет, то есть выбыл по ранению в госпиталь. Сидели мы с ним рядом у костра, и его ранило в живот и в руку, а у меня порвало шинель в двух местах, а самого не задело, только контузило, но через час пришёл в обратное положение, и я ему сделал перевязки, а затем отправил старшему ефрейтору сообщить.

А пока до свидания, Паша и Валя, будьте здоровы, целую крепко, с приветом Ф. Е. Речкин. Пишите новости. Валя, командир мой, шлёт вам благодарность за ваш привет и посылку, вам желает успеха в учёбе и счастливой жизни и королевского здоровья на долгие годы — ст. лейтенант Г. Силин.

А пока, дорогие мои, до свиданья, будьте здоровы, крепко целую. С приветом Фёдор. Привет Марьяне М.

Да, конечно, от дождя не в воду, как-нибудь, может, и переживете. 160 рублей было денег, привязался этот Ковалёв: дай займы. Дал. А он сейчас выбыл,

деньги мои пропали. Хотя денег-то денег, они мне не нужны, но я копил, хотел послать Вале, а теперь всё пропало. Дак вот, пусть Пухова Н. больше сюда не пишет, а может, он ей пришлёт, но уже другой у него будет адрес.

Но всё. Ещё что-нибудь набалыкал бы, но ведь легче от этого не будет. Да как плохо вам жить — ни хлеба, ни обуви. Жаль, жаль. Но хотя война всем насолила до слёз. Всё. Прощайте, пишите, жду».

13 ноября 1944 года: «Здравствуйте, Паша и милая дочь Валя. Во-первых, спешу уведомить, что я жив и здоров, чего и вам желаю. Ну, как провели вы праздники? А мы отпраздновали хорошо. Как враз стали на месте и уже как полмесяца. А вот это-то и хорошо, потому что около 1000 километров прошли с боями, не зная на себе отдыха на холоду. Так что вроде было тяжеловато. А что касается насчёт того, что людей было искалечено, на это и внимания не обращали. И так, стоим пока. Построили землянки, истопили, и хоть праздник, а спали вповал. Это и думали — живёшь хорошо, не атакуя. За праздник я выпил 300 грамм водки, вот, думаю, провёл праздник хорошо. Но а сейчас опять сообщения к походу, покамест предположительно марша километров на триста. Вот опять танцуем ночи, да за освобождение Петсамской области получили по три благодарности от т. Сталина. Но у меня, пожалуй, и всё. Да Дима от меня уехал в тыл по болезни. А я пока болтаюсь. Была на днях комиссия, проверяла состояние здоровья, но я пока ничего. Вот и всё. А пока, дорогая Паша и Валя, до свидания. Будьте здоровы. Целую крепко. С приветом — Фёдор. Пишите, жду, как провели праздник, что нового. Привет Марьяне и бабушке Дарье».

«14.11.1944 года. Здравствуй, милая моя дочь Валя.

Сообщаю, родная, что сегодня я получил от тебя письмо, за что большое спасибо, и где я узнал, что ты в данное время жива и здорова, чему я был очень и очень рад. Валя, образец вашей рученьки я получил и посмотрел. Оказывается, ты стала взрослой, да, пять лет почти тебя не видал. Как хочется повидаться, но не знаю как. Ну что же, может, буду жив, то и посмотрю.

Да узнал, что вы пока хлебом бьётесь, это главное, и мне радостно. Есть у вас картошка, да от коровы есть молоко. Ох, Валя, как бы я покушал молока, да с крошкам бы похлебал молока. Ты, Валя, похлебай за меня, накроши полную миску и скажи маме, что это я хлебаю за папку, его прихоть исполню, а потом ложись и отдохни. Вот так.

Валя, а как у вас, баня есть, нет, своя, и какая есть стая для коровы, и есть ли у вас овечки, а также и куры? И как в дому, тепло, нет? Но и как к зиме с одеждой? Вот обо всём отпиши. Да, продали, нет, избу?

Валя, как живет Фёкла с ребятами, передай им привет. Но ответь от меня Марьяниним, не было в часть ни ответа, ничего. Передай Марьяне и бабушке Дарье привет. Ну и теперь шлю привет Параскеве Матвеевне. Как живёте? Прошу, дорогие, на мои вопросы ответить.

Но и всё, а пока до свиданья. Будьте здоровы, с приветом к вам Фёдор. Пишите письма».

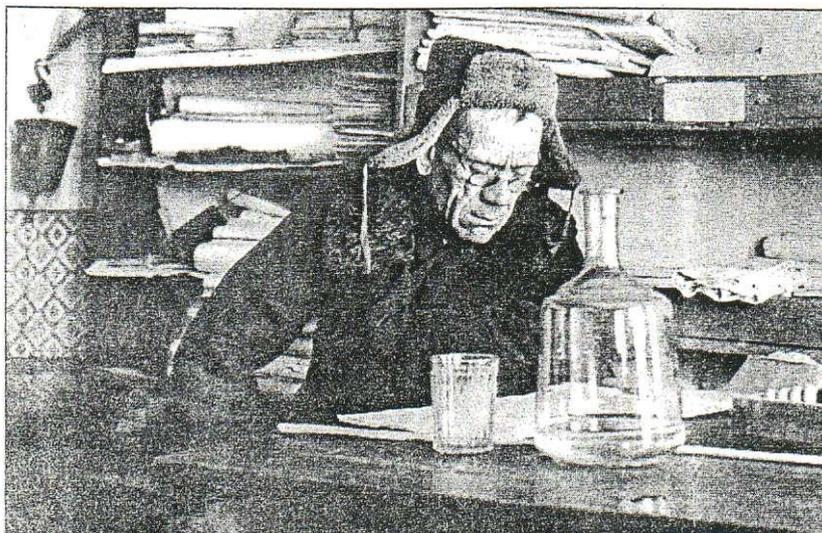
«От 26.01.45. Здравствуйте, мои дорогие, Паша и дочь Валя. Только что получил от вас три письма, за что большое спасибо, очень и очень я был рад. И разом пишу ответ. Жизнь моя пока мирная, но учимся и учимся по 10 часов в день. Так готовимся к дальнейшим боям. И этого мы ждём — хоть бы скорей, а то ведь надоело, ой-ой надоело. Да, Денис дома, счастье, но я не знаю, не бывал, дело такое. Но о том, что я вам пишу редко, или не на каждое письмо даю ответ, только в этом вас не обижу, но на ответ Вале, что она сама носится или мирится с тем, что плохо одета в зимнее время, то она за это права, и права за то, что переживает

сейчас и после войны, если только я после войны буду жив и здоров, то спросит с меня. В этом тоже права. И сумеем, Валя, одеться, если бы остаться живому да здоровому.

Но теперь, Матвеевна, передавай привет дяде Мартяше и Прядкину И. И спасибо им за их приветы.

Ну а как-то свинка, кормишь прежним, или я не понял из письма, но вроде так что-то неважно?

Теперь письмо моё, в котором была светлая бумага, то и было там большое письмо, а почему его нет — не знаю. Вот, пожалуй, целую, и вы пишете, что у вас есть нового, и на сколько пришёл домой Денис. Да, интересно, как же он поник, и, говорите, постарел. Но а я, наверно, тоже, и меня никто не узнает, я очень старый да худой, ну а болтаюсь всё, ничто не болит. А что я пережил, что я видел — так Денис и вовсе этого не видел, ведь он был всё в тылах, а я всё время на передовой и в боях вместе с пехотой, так что — ого. Но пока всё. Что-то Фёкла Т. не отписала мне ответа, я им писал. Да не слышали ли что про сестричку?..»

«20.02.45. Здравствуй, Паша и Валя. Во-первых, спешу сообщить, что я жив и здоров, чего и вам желаю. Да, дорогие, вам жить тяжело, это я знаю и верю, но и всему народу нашей страны нелегко, об этом и вы, полагаю, тоже знаете.

А нам — дак я не знаю, как живём. Уже чувства к себе я потерял. Четвертый год живём в лесах, горах, и никаких людей из граждан не видим. И я стал вроде дикого человека. Вот на днях ходили на занятия в норвежские горы, посмотрели на норвежек, а главное, я насмотрелся на ребятшек, так-то поинтересовался ими. Не знаю, как я был рад. Они подбегают к нам и просят табаку, так как у них с табаком плохо, и их отцы заставляют, очевидно, просить табаку И вот они просят, а говорить по-нашему не знают, так просят так: «Папа кур, папа кур», а ещё «Спасибо» и «До свиданья». Всего четыре слова знают по-русски. И я взял на руки одну девочку лет пяти. И так она похожа на Валю, дак я не знаю. С полчаса я её держал на руках, а она ласковая и хорошенькая и чистенькая. Ой, моё сердце так расстроилось — не знаю. И сколько у меня было табаку — я весь ей в кармашек высыпал. И когда пошли — они остались на озере, и я сверху шёл, а сам всё оглядывался на неё.

Но, пожалуй, у меня всё, и жизнь по-старому, служба тоже. И всё учимся, учимся. Где уже не знаю — так не знаю, как ведь я уже так старый. Но подвижность, здоровье кажется без перемен. Вот хожу на лыжах и мотоколяски обкатываю. Ходим на 20 километров лыжный кросс, я прихожу третьим-четвёртым, не дальше, за два и меньше часов. А пока, дорогие, до свиданья, будьте здоровы. С приветом к вам Ф. Речкин. Пишите, жду. Посылаю хлеба Вале и два комка сахара».

«Курганская область, Белозерский район, Памятинский сельсовет, Речкиной Вале Фёдоровне. Полевая почта Д 08400-ф. Речкину Ф. Е.

От 14.04.45. Здравствуй, Валя. Родная Валя, 13.04.45 года послал я тебе денежный перевод на 100 рублей. Извини, Валя, что посылаю мало. Но нет

больше, и то мне или тебе шлёт мой командир части для кино. Валя, я что-то здоровьем сбился, а именно — мучает бронхит, ревматизм. И хуже, вот как ночь, так по два-три приступа бывает этой лихоты, и от чего не мил белый свет. И в то же время даже бросает в жар. Кроме того, кушать аппетита совсем не стало. Хлеба половину пайки зараз не скушаю. А суп или каша из круп, то совсем ни черта не кушаю, а чем только и живу. Так что дело неважно, но ничего.

Да, Валя, ты меня, наверно, сейчас не узнашь, стал очень старый и худой.

Но пока всё, Валя, ещё раз учись и учись. Теперь уже у вас весна, а здесь до мая будет зима. А пока, Валя, до свиданья. Пока. Фёдор».

Закончилась война, но он не сразу пришёл домой. Пришлось ещё послужить. Накануне встречи с родными Фёдор колот к гимнастике три награды, заработанные потом и кровью. Медалью «За оборону Советского Заполярья» он был награждён 16 ноября 1945 года, медалью «За победу над Германией» — 1 марта 1946 года, медалью «За боевые заслуги» — 15 марта 1947 года. В родной деревне солдата больше всего поразила встреча с дочерью, о чем он сразу же ей и сказал:

— Я думал, буду смотреть на тебя сверху вниз, а вышло — снизу вверх.

5

После войны Фёдор Ефремович снова работал председателем колхоза, а когда на руководящие посты стали продвигать грамотную молодёжь, перешёл в бригады. Болезни всё чаще напоминали о себе. Однажды директор школы позвал на должность завхоза, и Речкин согласился.

Произошли у него перемены и в домашней жизни. Валя вышла замуж за Николая Вагина, они поселились отдельно. Надеясь облегчить материальное положение её семьи, Фёдор Ефремович и Прасковья Матвеевна взяли в дом старшего внука Володю.

Сейчас Владимир Николаевич Вагин вспоминает: «Дед был общительным — с его мнением в селе считались, какую бы должность он ни занимал. Много ходил пешком, может, это следствие фронтовой закалки? Любил со мной играть. Катал меня на лошади, посадив на облучок. Я был счастлив».

Фёдор Ефремович Речкин, труженик войны, человек, олицетворяющий лучшие качества русского солдата, ушёл из жизни неожиданно и по-русски нелепо. В начале января 1960 года он вместе с сослуживцами поехал в районный центр. Нужно было получить зарплату на весь школьный персонал. В полдень зашёл в столовую села Белозерского пообедать. И тут с ним произошёл сердечный приступ. Оказавшиеся поблизости милиционеры приняли его за пьяного и отвезли в вытрезвитель. Там, в камере, он и умер.

Анатолий Кузьмин

На снимках: Фёдор Речкин во время срочной службы в Челябинском артиллерийском полку, 1925 год; фото из мест заключения, 1935; в компании односельчан; Фёдор Речкин, школьный завхоз: последнее фото.